

ЖИВОЙ, ВМЕСТЕ С НАМИ

ВРЕМЯ оказалось бессильным перед замечательными творениями выдающегося драматурга, режиссера, театроведа Джафара Джабарлы, которые до сих пор сохранили свое художественное значение, свою эстетическую ценность. Никого не удивило, например, то, что в программу декады азербайджанского искусства и литературы в 1959 году была включена его пьеса «Алмас», появившаяся на сцене в 1931 году.

И эта народная драма была воспринята москвичами, требовательными театрами, с большим чувством удовлетворения. Неувядаемые творения Джабарлы продолжают оставаться высокими образцами советской драматургии.

И все же сегодня хочется прежде всего вспомнить те дни, когда он жил, весь погруженный в заботы о процветании родного азербайджанского театра. «Надо превратиться в юношу, чтобы понять, какое потрясающее впечатление произвел на нас Лессинг своим «Лаокооном». Эти слова Гете можно повторить и в отношении Джабарлы. Да, надо превратиться в юношу, чтобы понять, какое огромное, волнующее впечатление производили в двадцатых годах его пьесы, какой глубокий переворот совершили они в азербайджанском театральном искусстве.

Поистине исключительный успех имела «Невеста огня», поставленная в 1928 году, а затем «Севиль». Нахлынувший волной в театр зритель уходил обогащенным, наполненным радостным, праздничным настроением. Какой огромной силой художественного воздействия должно обладать сценическое произведение, чтобы в период, когда еще религиозные предрассудки были довольно прочны, смело отрицать религию и вызвать горячее одобрение переполненного зала! Надо было слышать гром аплодисментов, которым встречал зритель слова героя «Невесты огня»: «нет бога!». А «Севиль»? Сколько женщин прямо в театре сбрасывали чадру, подражая осознавшей свое человеческое право героине пьесы.

Когда театр в 1930 году повез эти спектакли на олимпиаду в Москву, Джабарлы был признан одним из самых выдающихся драматургов Союза. В лице Джабарлы азербайджанский театр обрел неопределимого деятеля, который своим творчеством способствовал наилучшему решению его идейно-художественных задач. Пьесы — «Алмас», «В 1905 году», «Яшар», появившиеся в 1931—1933 годах, вывели театр на верный путь социалистического реализма с его многообразием стилей и форм. Драматургия Джабарлы обновила азербайджанское театральное искусство, сделала его вполне современным и национально своеобразным. Утвердившиеся в нем новаторские тенденции стали его живыми традициями. В чем же суть этих традиций?

ПЬЕСЫ Джабарлы, глубоко правдивые, повернули театр к самым насущным вопросам современности, спаяли его с думами и настроениями советских людей, романти-

чески возвышенных в своих стремлениях, в своей борьбе за претворение социалистического идеала.

Сила обаяния драматургии Джабарлы в ее глубоко образной, эмоциональной природе. Джабарлы обладал искусством воплощения жизни в живых образах, в остром сюжете, захватывающем своим драматизмом. Он был силен как в изображении прекрасного, так и безобразного, ему чужд был вулгаризаторский схематизм в создании отрицательных об-

разов. Он нарисовал яркие портреты врагов народа и социализма — Абу Убейд, Акшин, Гаджи Ахмед, Саламов, Имамар и другие. В то же время он сумел противопоставить им весьма привлекательные образы положительных героев — Эльхан, Гюлюш, Севиль, Алмас, Эйваз, Яшар и другие. Джабарлы глубоко понимал, что новое искусство немислимо без нового героя, который приносит с собой новое содержание, новое мировоззрение, новое видение жизни. И он мастерски разрешил эту задачу. Весьма характерно, что его долгие поиски жизнеутверждающего, энергичного, целенаправленного героя, человека всецело преданного интересам народа, увенчались полным успехом именно в пьесах, отразивших советскую действительность. Марксизм учит, что ничто не дает большего понимания мира, чем активное участие в изменении этого мира. Положительные герои Джабарлы и есть активные участники в изменении мира, в силу чего они помогали глубже понять происходящие в действительности события, наполняли искусство богатым жизненным содержанием.

ВЕРНОСТЬ Джабарлы жизни породила другое замечательное свойство его драматургии, определила другую традицию его театра. Это многообразие стилей и форм. Пьесы Джабарлы отразили характерные черты их творца, но в то же время они все разные не только по содержанию, но и по стилю, жанру, форме. Прекрасное знание природы театра, понимание художественной условности позволяли Джабарлы создавать одновременно пьесы строгой классической формы, как, скажем, «Севиль», и пьесы многоплановой, широкой, разветвленной композиции, как, например, «Невеста огня» и «В 1905 году». Прочтите написанную в юности историческую пьесу Джабарлы — «Насреддин-шах», где смело введены условные приемы. И вы убедитесь, что эти приемы не самоудовлетворяющие, они позволяют лучше

понять происходящие события и душевные движения персонажей. Многообразие стилей и форм есть прямое следствие правдивого, реалистически полного отражения жизни. В этом одна из самых сильных традиций драматургии Джабарлы.

ДЖАБАРЛЫ был знатоком театра, понимал, что актер — его душа. Разумеется, он не отрицал значение художника, композитора, хореографа и других создателей спектакля. Но синтетизм театрального искусства он усматривал, помимо всего, в том, что составляет его специфику — в актере, в сценическом художественном образе. Он считал, что сценический образ содержит элементы почти всех видов искусства. Еще в 1925 году он писал: «Актер — это живая литература. Произведение, которое создает писатель в бессонные ночи, мысли, идеи, чувства и страсти, которые находят свое выражение на мертвой бумаге, оживают в личности актера, и он благодаря этому становится живой литературой. Актер — это художник и в то же время живая картина, — она действует, говорит, плачет, смеется, — словом, живет. Настоящий актер, когда смотрит после грима в зеркало, не узнает в себе самого себя... Актер — это скульптор, он же — произведение скульптуры... Актер — это музыкант, он сам же — живой музыкальный инструмент... Одним словом, актер — художник, который воплощает и олицетворяет в себе все виды изысканного искусства». За такого актера-художника, мастера перевоплощения, творца сценического образа боролся Джабарлы как своими произведениями, так и своей режиссерской и театроведческой деятельностью.

Глубокое понимание специфики театра, природы сценического образа помогало Джабарлы разбираться в антихудожественной сущности всех притязаний формалистов, вулгаризаторов и схематиков, которым казалось, что нельзя говорить о пролетарском методе спектакля, если в нем нет длинной и замысловатой лестницы, зеленых и синих париков, если деревья не сажались корнями вверх, если люди не говорили чудовищно-искусственным языком и т. д. Разоблачая эту примитивную концепцию «нового» театра, Джабарлы всей силой своего таланта боролся за подлинный театр социалистического реализма, «требующего верного, ясного, убедительного изображения нашей героической жизни во всем ее многообразии». Драматург и театр, по мнению Джабарлы, должны видеть «характерные, типические, даже невидимые многими, моменты, найти смысл общей борьбы в жизни и поднять все это смелыми и изящными средствами на должную высоту художественной формы».

Ярким образцом такого театра и был театр Джабарлы. Ранняя смерть помешала Джабарлы претворить в жизнь многое из задуманного. Горячо любя театр, которому он отдал все свои силы, Джабарлы мечтал создать новый театр, с тем, чтобы расширить почву для творческого соревнования, для многообразия театральной культуры народа. Но и без этого Джабарлы оставил такое богатое и неувядаемое наследие, такие живучие традиции, что они всегда будут сопутствовать успешному развитию азербайджанского театра. Он вечно живой, он всегда среди нас.

Дж. ДЖАФАРОВ.